

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXVI¹⁾.

Бурное состояніе моря задержало нашъ отъездъ изъ Константинополя. Босфорскія волны грозно шумѣли и ревѣли, какъ бы отвѣчая настроенію, царившему въ политическихъ сферахъ. Движеніе софть не прекращалось: отъ зори до зори они бѣгали по улицамъ, размахивая флагами и призывая толпу къ оружію. Но, симулируя правило международной вѣжливости, полиція загоняла ихъ въ казармы черезъ одни ворота, а въ другія немедленно выпускала на свободу и арестованные являлись опять передъ фасадомъ нашего посольскаго дворца.

Въ одинъ изъ такихъ дней мы зашли въ банкирскую контору, чтобы размѣнять акціи. Публика, ожидавшая очереди, вела между собой разговоръ на тему, которой пользовались также и карагезы для своихъ балагановъ, а именно, что генералъ Игнатьевъ собирался какимъ-то фантастическимъ образомъ, съ помощью какихъ-то невѣдомыхъ, волшебныхъ силъ захватить Босфоръ и Дарданеллы. Эта легенда, созданная тогда мусульманскимъ духовенствомъ, принялась на вѣру безъ критики и размышленій даже со стороны левантинскаго общества торговыхъ кварталовъ Галата и греческаго Фанара. Послѣдніе, т.-е. наши „воспріемники отъ купели“, оттоманскіе греки, лѣзли, какъ говорится, на стѣну въ защиту своихъ историческихъ правъ на древнюю Византію.

— Не Россія, а мы, эллины, наслѣдники Палеологовъ, утвердимъ св. Крестъ на Ая - Софія, — горячился какой-то брюнетъ,

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1915 г.

возражая своему оппоненту безразличнаго левантинскаго типа,— она не осмѣлится и коснуться хотя бы однимъ пальцемъ дѣтища Юстиніана! Пусть лучше турки владѣютъ имъ, чѣмъ тѣ, которыхъ мы вывели на свѣтъ Божій изъ тьмы языческой...

— Защитница славянъ!—въ тонѣ убійственной ироніи добавилъ его собесѣдникъ и громко расхохотался.

— Ну, чего лѣзетъ туда, гдѣ и безъ нея управились бы съ проклятыми болгарами!—замѣтилъ другой, также одинъ изъ нашихъ духовныхъ отцовъ при св. Крещеніи, — не долго ждать: подростетъ „Константинусъ“¹⁾, а тамъ видно будетъ!..

— Хорошо сказано!—подтвердилъ брюнетъ, набивая карманы золотомъ и удаляясь изъ конторы.

— А пока что, западныя державы не позволяютъ его московскому превосходительству распоряжаться чужимъ добромъ,— закончилъ его мысль какой-то еще грекъ, по всѣмъ признакамъ уроженецъ Аѳинъ.

Вдругъ стали доноситься черезъ открытыя на главную Перскую улицу окна звуки шумной манифестаціи стамбульской молодежи: барабанная дробь, свистъ дудокъ и крики: „Да здравствуетъ Англія и Австрія, наши друзья! Смерть нечестивой Московіи!“ и мимо насъ продефилировали софты, возбужденные, пылая жаждой мести, заряженные какъ бы электрическимъ токомъ.

За толпой двигалась конная стража, направляя ее въ казармы Топхане.

— Ахъ, бѣдныя дѣти!—сказалъ кто-то изъ публики,—и за что лишаютъ ихъ свободы? Ну, спѣли бы серенаду на дудкахъ подъ окнами этого страшнаго генерала—только и всего!..

— Не безпокойтесь, — отвѣтили ему,—за такія дѣла, чтобы досадить московь-гяурамъ, не станутъ мучить людей по тюрьмамъ: если въ одніѣ двери и загонятъ, то въ другія они уйдутъ сами, когда имъ будетъ угодно...

— Такъ для чего же ихъ ведутъ сейчасъ туда?—спрашивали нѣкоторые.

— А это не что иное, какъ *знакъ вниманія* со стороны его величества Абдуль-Гамида по отношенію къ генералу Игнатьеву,—объяснилъ намъ какой-то солиднаго вида господинъ, принадлежавшій, вѣроятно, къ финансовой аристократіи европейской Перы.

¹⁾ Нынѣ царствующій король Греціи, съ именемъ котораго была тогда связана легенда, что именно онъ сниметъ полумѣсяцъ съ Ая-Софіи.

Тѣмъ временемъ мой дядя вернулся изъ кабинета директора банка, гдѣ онъ благополучно устроилъ дѣло на случай паденія курса, и мы ушли изъ конторы.

— Дядя!—спрашивала я, передавая ему свои мысли и впечатлѣнія, которыя мучили меня въ пріемной банка, — за что насъ такъ ненавидятъ всѣ? Именно всѣ, даже христіане, греки, наримѣръ, и другіе?! Какъ это ужасно!..

— Ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго,—говорилъ онъ съ доброй, грустной улыбкой, — ненавидятъ насъ за то, что боятся нашей необъятной, богатырской силы: они уже начинаютъ дряхлѣть, а мы еще молоды и передъ нами лежитъ будущее въ лучезарныхъ перспективахъ — вотъ за что завидуютъ намъ и ненавидятъ насъ. Такъ и въ повседневной жизни человѣка: кто счастливъ, наримѣръ, или богатъ, красивъ, уменъ, силенъ, у того и больше враговъ—поняла?..

Совершенно неожиданно явился къ намъ въ отель съ визитомъ Мидхатъ-паша.

— Ахъ, милые, старые друзья! Какъ я радъ, безконечно радъ видѣть васъ!—торопливо говорилъ знаменитый вельможа, обмѣниваясь съ нами рукопожатіемъ и добрыми пожеланіями. Но въ тонѣ его голоса я сразу уловила ноту, а затѣмъ еще и другую, которыя звенѣли слишкомъ печально для триумфатора, игравшаго судьбами Оттоманской имперіи. Впрочемъ, это не замедлило обнаружиться само по себѣ:

— Если позволите,—съ горькой ироніей спросилъ онъ, развертывая листъ какой-то газеты,—я вамъ прочту отсюда чрезвычайна даже интересную вещь, а тогда судите меня и людей, какъ знаете...

Мы, конечно, отвѣтили согласіемъ.

Въ передовой статьѣ органа Константинопольской биржи авторъ, не стѣсняясь полномочіями, возвѣщалъ отъ имени Мидхатъ-паши, что якобы уже было рѣшено призывать къ управленію государственной машиной только мѣстныхъ уроженцевъ изъ восточныхъ христіанъ, а также евреевъ, какъ болѣе культурныхъ, чѣмъ завоеватели — османы. Намѣчены были даже будущіе министры и дѣятели изъ грековъ, армянъ по преимуществу; но въ этомъ списокѣ не оказалось ни одного турецкаго имени за исключеніемъ самого Мидхата на великовизирскомъ креслѣ.

— Ну, что вы скажете на это?!—Каково нахальство! — съ негодованіемъ воскликнулъ авторъ конституціи.

— Скажу, — отвѣтилъ дядя, — что вамъ ничего другого не остается, какъ исполнить то, что вы наобѣщали этимъ господамъ.

— Ничего подобнаго и не могло быть! — горячо возражалъ либеральный сановникъ, — ну, развѣ не права французская поговорка: „si on lui donne long comme le doigt“...

— А по-русски это еще пикантнѣе будетъ, — не давая ему времени договорить, расхохотался дядя и перевелъ на турецкій языкъ: „посади свинью за столъ“...

Мидхатъ чуть не задохнулся въ припадкѣ необычайной веселости:

— Какъ? какъ? — повторялъ онъ, смахивая градомъ катившія слезы и записывая въ памятную книжку нашу русскую прибаутку.

— Неужели они воображаютъ, — мѣняя тонъ, заговорилъ убѣжденный поклонникъ европейской цивилизаціи, — что мы ради ихъ прекрасныхъ глазъ вздернемъ сами себя на висѣлицу, чтобы дать этимъ пиявкамъ нашей бѣдной, ограбленной, несчастной родины министерскіе портфели и оклады?

— „Пиявки“? — спросилъ дядя, — а для кого собственно вы пишете конституцію?

Этотъ намекъ попалъ въ цѣль.

Долгъ гостепріимства заставилъ мою тетюшку направить разговоръ по другому руслу, и, такимъ образомъ, все обошлось, какъ нельзя лучше.

Затѣмъ, мы видѣлись съ нимъ въ другой обстановкѣ, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

